УДК 94(470)

РАБОТА НАД ПРОШЛЫМ В СЕМЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВЕТСКИХ СЕМЬЯХ В ПОЗДНЕМ СССР

И.В. Нарский

Семейная память в СССР 60–80-х гг. отличалась наличием сложно согласовывавшихся альтернатив в интерпретации прошлого, относительно короткой ретроспективой и обозримостью форм, среди которых преобладала устная традиция со ссылкой на семейные «реликвии».

Ключевые слова: коллективная память, семейная память, семейные «реликвии».

В контексте современных представлений о человеке память есть «способность поместить личное существование в пространственно-временную целостность и оглядываться на прошлое, предшествовавшее настоящему» [1, с. 11]. Несмотря на обилие подходов к изучению «коллективной памяти», все они опираются на высказанное еще в 1925 г. исходное положение автора этого концепта М. Хальбвакса о том, что индивидуальная память испытывает давление коллектива (не всегда осознаваемое индивидом), осуществляющего цензуру запоминания и забывания во имя обеспечения социальной интеграции, групповой и личностной идентичности [2].

Современное состояние изучения семейной памяти в (позднем) СССР позволяет констатировать следующее. Как и общие воспоминания любого другого коллектива, семейная память обеспечивает поддержание целостности и преемственности группы – семейную интеграцию, коммуникацию и социализацию. Другими словами, семейная память осуществляет работу, благодаря которой семья существует. Как писал П. Бурдье, «семья есть… продукт регулярной, ритуальной и, одновременно, практической формативной работы, через которую каждому члену общества должны устойчиво прививаться чувства, пригодные для того, чтобы обеспечить ту интеграцию, которая является предпосылкой для сохранения и продолжения этой общности» [3, с. 130].

Наиболее распространенным каналом семейной памяти, по-видимому, остается самый старый из них – устная традиция. Важным средством сохранения семейного предания являются также передающиеся по наследству предметы, своего рода семейные реликвии, которые, правда, без регулярного воспроизведения связанных с ними историй теряют свой статус. Наиболее редко, несмотря на всеобщую грамотность современного общества, встречаются записанные семейные истории – самый трудоемкий способ «сберечь» прошлое.

Популярность написания и чтения мемуаров в кризисные периоды относится едва ли не к антропологическим константам. Именно такова конъюнктура возникновения многих позднесоветских и современных российских семейных хроник. Действительно, в периоды завершения серьезных социальных и политических трансформаций, когда вчерашние события вдруг начинают восприниматься как необратимое прошлое, на коллективном уровне возникает настоятельная потребность в подведении итогов и определении своего места в изменившейся среде, жгучее желание осмыслить перемены и добиться согласия между ожиданиями внешней среды и собственными мироощущениями. Такая потребность имеет социокультурный аналог и на микроуровне индивидуальных перемен: желание рассказать о своей жизни возникает, как правило, во второй половине жизни, в связи с недвусмысленными симптомами старения. Последнее обстоятельство следует иметь в виду, учитывая, что зачастую авторами позднесоветских и постсоветских мемуаров являются пожилые люди.

Собирание ими семейной информации в значительной степени проходило в специфической конъюнктуре перестройки и рубежа XX и XXI веков, в рамках радикального пересмотра прошлого, в котором появлялись принципиально новые «герои» и «злодеи». «С конца 1980-х гг. скрываемые прежде репрезентации прошлого воспроизводились на публике, преподносились как альтернативные версии истории, создавая иллюзию открытия заново “настоящего” прошлого, которое (в силу того, что оно противоречило официальной истории, хранилось в тайне и было защищено от посторонних глаз) осталось якобы нетронутым вредоносным идеологическим и политическим воздействием. Некоторые из этих “открытий” и “спрятанных историй” впоследствии стали играть роль новых официальных исторических нарративов, обосновывающих, иногда весьма агрессивно, создание новых национальных и иных идентичностей» [4, с. 8].

Однако начало коммеморативной семейной работы часто приходилось на брежневский период, известный сложными отношениями публичных и приватных комеморативных практик. В СССР периода хрущевской оттепели по инициативе высшего руководства начался короткий период публичного обсуждения связанных с именем Сталина «неудобных страниц» советского прошлого. Поскольку этот процесс грозил выйти из-под партийно-государственного цензурного контроля, а брежневское руководство было вынуждено выбираться из неловкой ситуации с невозможностью построить в Советском Союзе коммунизм к 1980 году, оно решило апеллировать не к «светлому будущему», а к вновь отретушированному «славному прошлому». Сложилась парадоксальная ситуация: официальная пропаганда славила советское былое без Гулага и насилия, но с мудрым полководцем Сталиным, а в домашних библиотеках стояли изданные огромными тиражами на рубеже 1950–1960-х годов «Один день Ивана Денисовича»

А.И. Солженицына и «Люди. Годы. Жизнь» И.Г. Эренбурга. Поколения советских людей, переживших дореволюционную социализацию, по инерции продолжали рассказывать внукам свои семейные истории, о которых они предпочитали молчать до смерти Сталина, зачастую оставив в неведении собственных детей. Причем эти истории были далеки от содержания школьных учебников. Официальная история, над которой потешались советские анекдоты, оказалась, таким образом, в большой опасности задолго до горбачевской перестройки, которая не могла легитимировать режим без безжалостной расправы с советским прошлым. Противоречивость и множественность коммеморативных дискурсов в позднем СССР также создавали известный простор для фиксации семейной истории как альтернативной.

Однако обычно семейные предания, если и складываются, то бытуют в более подвижной, изменчивой и аморфной форме устного рассказа. Причиной того, что устная семейная традиция гораздо более распространена, чем письменная, является иллюзорное представление о ее относительной простоте. Устные семейные предания, как и другие формы семейной памяти, интегрируют семью, обеспечивают осознание преемственности и общности, маркируют особость по отношению к окружающему миру. По этой причине не всякий рассказ-воспоминание является семейной традицией, а только успешный – встречающий всеобщее признание общающихся родственников и потому регулярно повторяемый и передаваемый.

Семейные воспоминания живут благодаря общению с окружающими. Но к окружению личности относятся не только люди, но и предметы. Мебель, объекты семейного обихода, книги, документы, фотографии невозможно отделить от личности. Взаимодействие с ними так же важно для человека, как и коммуникация с другими людьми. «В противоположность распространенному стереотипу отношения к хранящемуся в памяти прошлому как к тому, что прочно зафиксировано и потому неизменно, в действительности воспоминания податливы и гибки. То, что, казалось бы, уже свершилось, продолжает претерпевать постоянные изменения. Преувеличивая в памяти те или иные события, мы заново их интерпретируем в свете последующего опыта и сегодняшних потребностей» [5, с. 325]. Именно этим, по крайней мере, отчасти объясняется, почему тот или иной предмет вдруг становится для индивида или социальной группы объектом, символизирующим важное и дорогое былое. Зыбкость прошлого, помимо прочего, рождает подспудное беспокойство и желание опереться в воспоминании на нечто неизменное. Вот тут-то предметная среда, и может оказывать незаменимую услугу. Предметы, которые обретают статус реликвии, указывают на невидимый мир и тем самым обеспечивают его присутствие и действенность. Семейные реликвии рождают не знание, а ощущение былого, чувство прикосновения к нему. Такие домашние предметы-реликвии могут выступать в качестве своего рода «маячков» семейной идентично-

сти. Они воспринимаются членами семьи как источник и хранилище памяти о прошлом «родового» коллектива, о его границах и перспективах. Предметы «на память» служат поводом для семейной коммуникации о «своей» истории и сохраняют свой статус до тех пор, пока члены семьи ощущают потребность в целостности, прочности и наличии общей, по возможности – долгой и непрерывной судьбы.

Если от форм бытования семейной памяти обратиться к особенностям ее содержания в советском «интерьере», то следует в первую очередь отметить, что специфической оказалась «длительность» семейной памяти в СССР: советское и постсоветское обращение к прошлому семьи обнаруживает довольно тесные границы. На основе собственных исследований могу с уверенностью утверждать, что в большинстве случаев семейная память в современной России простирается лишь до рубежа XIX–XX веков, реже (например, в семьях с предками-священнослужителями) – до середины XIX века, в исключительно редких случаях (как правило, в семьях с дворянскими корнями) – до конца XVIII столетия. За «краткостью» коллективной памяти семьи и ненадежностью хранимого ею знания о родстве дальше поколения дедов скрывается универсальная для XX века тенденция к драматичному росту социальной подвижности и падению значения родственных связей. Но в СССР, особенно в эпоху сталинизма, она была отягощена (не обязательно строго соблюдаемым) государственным принуждением умалчивать о дореволюционных корнях семьи: досоветское время было официально превращено в мрачную предысторию героического настоящего и светлого будущего, а способность семьи цензурировать происхождение и досоветское существование часто была залогом выживания.

Универсальное (в рамках европейской культуры) и специфически российско-советское обнаруживается и в межпоколенческой коммуникации о (семейном) прошлом. Поколение как эмоционально окрашенная общность разделяемых типизаций, иллюзий, ценностей и памяти неизбежно живет в конфликте с другими подобными общностями. Напряженные отношения между поколениями отчасти объясняют, почему конструктивная работа между ними в различных сферах социальной жизни (в том числе и в науке) происходит через поколение, между «дедами» и «внуками». Это наблюдение касается и детства, в котором для ребенка более «значимыми иными», чем родители, зачастую оказываются дедушки и бабушки. Помимо ситуативных обстоятельств (например, необходимости большинства советских и российских матерей, особенно в городах, работать за пределом дома), тесный контакт внуков с дедами связан с тем, что остро ощущаемая сознательная готовность поделиться своим прошлым созревает в период, когда собственные дети, как правило, уже живут самостоятельной жизнью и своими взрослыми заботами, на фоне которых откровения «стариков», уходящих из активных социальных позиций, восприни-

маются, мягко говоря, снисходительно. Неудивительно, что непосредственными адресатами опыта старшего поколения становятся внуки.

Схема работы между поколениями «через раз» с особой ясностью наблюдается в центрально- и восточно-европейских обществах, чрезмерно обремененных травматическим опытом XX века, таких как, например, Россия и Германия, в которых доверительные отношения между родителями и детьми были осложнены внешними обстоятельствами – государственным запретом и (или) общественным табу на опасное и неудобное прошлое.

Таким образом, «советские» особенности коммеморативных семейных практик – «краткость» семейной памяти, относительная редкость ее письменных воплощений, затруднения в обсуждении прошлого смежными поколениями и коммуникация через генерацию – в большей степени характеризуют не содержание, а конъюнктуру работы над прошлым и связаны с внешними обстоятельствами – государственно и публично предписанными (противоречивыми) «рамками памяти» и существенно ослабшим в позднем СССР давлением официального исторического нарратива.

Библиографический список

1. Markowitsch, H.J. Das autobiographische Gedächtnis. Hirnorganische Grundlagen und biosoziale Entwicklung / H.J. Markowitsch, H. Welzer. – Stuttgart: Klett-Cotta, 2005. – 302 S.

2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

3. Bourdieu, P. Praktische Vernunft. Zur Theorie des Handelns / P. Bourdieu. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998. – 272 S.

4. Хмелевская, Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти / Ю.Ю. Хмелевская // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. – С. 7–20.

5. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. – СПб.: Изд-во «Русский остров», 2004. – 623 с.

К содержанию